

# РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭМИГРАЦИЯ О «ВИЗИТЕ В СОВЕТСКОЕ ПОСОЛЬСТВО» (1945): СОБЫТИЕ И РЕАКЦИЯ

ИРИНА БЕЛОБРОВЦЕВА

Русская эмиграция никогда не отличалась единодушием, и глобальные события нередко приводили к расколу в ее среде. Так, резкое размежевание русской политической и литературной эмиграции произошло после окончания Второй мировой войны. Апогеем этого процесса стал раскол Союза писателей и журналистов в 1946—47 гг.: после того как из него были исключены принявшие советское гражданство, оттуда добровольно вышли противники этого исключения и Бунин. Но еще раньше, в 1945 г., М. Алданов писал о «развале политической эмиграции» (письмо от 15.VII.1945), а С. Мельгунов — о разложении части ее элиты (письмо от 15.XI.1945). Причину этого явления оба они усматривали в так называемой акции Маклакова.

Речь идет о визите в советское посольство в Париже, который нанесла 12 февраля 1945 года весьма пестрая по составу группа русских эмигрантов во главе с бывшим послом Временного правительства во Франции Василием Алексеевичем Маклаковым. Визит широко освещался в печати и позже неизменно упоминался в исследовательской литературе о русской эмиграции. Его значение и смысл оценивались по-разному, причем разночтения начинались уже с самой даты визита. Так, нью-йоркская газета «Новое русское слово», из которой черпали информацию широкие круги русской эмиграции в США, 7 марта 1945 г. публикует корреспонденцию Е. Кобецкого, где датой визита названо 14 февраля.

Происходившее в посольстве также воспроизводилось с разной степенью точности и тенденциозности, что, в свою очередь, создало различные версии содержания и хода и визита. Корреспондент «Нового русского слова»,

воспроизводящий беседу, как он сам признается, со слов двух лиц, присутствовавших на встрече, обозначает ее в главках: Речь Маклакова, Ответ Богомолова, Обмен мнениями и Тост за Сталина. Позиция корреспондента сводится к желанию видеть всю эмиграцию объединившейся на основе русского, а еще лучше советского патриотизма. Визит, по его словам, «произвел на всех потрясающее впечатление», а члены делегации единодушно заявили о своей готовности к единению.

Примечательно, что одна из немногих книг о русском рассеянии, изданных в СССР, — «Агония белой эмиграции» Л. К. Шкаренкова — трактовала визит весьма сходным образом, подчеркивая единство эмигрантов даже там, где из отчета «Нового русского слова» следует, что некоторые члены группы пришли не с Маклаковым, а «по личному приглашению полпреда» — адмирал Кедров, сменивший генерала Миллера на посту председателя РОВС (Российского общевоинского союза), и адмирал Вердеревский.

И выступление адмирала Кедрова, которое, очевидно, шло в разделе беседы «Обмен мнениями», в книге следовало сразу же за речью В. А. Маклакова в начале встречи, то есть было практически уравнено с ней, что придавало особое, далекое от реального, значение этой фигуре. Эта натяжка обнаруживается внутри самого пересказа Л. К. Шкаренковым хода беседы, когда «в начале беседы» М. А. Кедров произносит: «Как Вы правильно отметили, г. посол, что немцам не удалось увлечь за собой нашу эмиграцию...». Его слова — не самостоятельное выступление, а реплика в ответ на речь А. Е. Богомолова, запись которой почему-то поставлена в книге после кедровских слов: «Отвечая эмигрантским деятелям, посол А. Е. Богомолов <...> сказал: «Мы могли ожидать, <...> что немцы в борьбе с Россией используют эмиграцию, что эмиграция соблазнится и пойдет с ними. Этого не случилось» (Шкаренков 1981: 201–2).

Точно так же объединены все пришедшие с Маклаковым и Кедров с Вердеревским в претендующей на объективность книге о русской эмиграции, написанной членом НТС Михаилом Назаровым.

Стремление писать о гостях посольства 12 февраля как о единой группе вполне понятно: тогда и ответственность за все происходившее в посольстве, в частности, за тост

в честь Сталина, произнесенный «услужаящим» (по выражению одного из литераторов эмиграции) адмиралом Кедровым, все делят в равной мере. Репрезентативность группы повышал также состоявшийся несколько ранее визит в советское посольство в Париже митрополита Евлогия, главы западно-европейской епархии, как бы освятивший все дальнейшее общение эмиграции с СССР.

Визит группы Маклакова в самом деле потряс эмигрантское сообщество, и до сих пор историки задаются вопросом о причинах, собравших этих людей в советском посольстве. Называются, как правило, три: со слов Берберовой, в этой группе «все без исключения были масоны», которые надеялись в то время «добиться открытия лож в СССР» (Назаров 1992: 354). Трезвый и осторожный М. Алданов предполагал сильное давление со стороны правых кругов во Франции. Третьи как альтернативу масонству предполагали «помрачение мозгов» (Ефимовский 1957:124) или «смену вех» (Г. Аронсон), что, видимо, должно было означать искреннее желание приветствовать советскую власть, победившую фашизм.

Подхвачены были и слова самого В. А. Маклакова, приведенные в одном из писем: «Нас могут упрекнуть в политической маниловщине». Цитирующий письмо А. А. Гольденвейзер отмечает далее: «<... > конечно, могут и будут упрекать в маниловщине — лучшего определения и не придумаешь» (MS Russian 269.62. D. 12, — Л. 245).

То обстоятельство, что визит всколыхнул эмиграцию, довольно долго обсуждался ею и заставил высказаться многих ее представителей, позволяет видеть в нем некий водораздел. Отношение к визиту того или иного представителя эмиграции было не просто одобрением или осуждением, но окончательным моментом самоопределения относительно Советского Союза.

Самое раннее из воспоминаний о рефлексии Маклакова, хотя и было напечатано только в статье на его смерть, в 1957 г., воспроизводит встречу, происходившую неделю спустя после визита: «Он не пожелал стать возможным вождем и... оказался "трагическим неудачником". Я имею в виду его последнюю в эмиграции "калиберную ошибку" — столь горестно нашумевшую поездку с другими "ютаблями" в советское посольство с общим заявлением о прекращении "революционной политики освободительного движения"» (Ефимовский 1957).

Работая в Bodleian Library в Оксфорде, я получила доступ к архиву русского эмигранта Бориса Исааковича Элькина. Не будучи сам заметной фигурой в политической жизни русской эмиграции, он, профессиональный юрист в области международного права, был связан с некоторыми лидерами либеральной части русской эмиграции, деятелями политики, литературы и культуры и был их доверенным лицом. Его мнением о людях интересовались и дорожили М. Алданов, Л. О. Дан, Е. Д. Кускова, В. А. Маклаков и т.д. Во время покушения на П. Н. Милюкова (и убийства В. Д. Набокова) именно у Элькина в доме остановился Милюков, душеприказчиком и соредактором воспоминаний которого он впоследствии стал.

В автобиографии Б. И. Элькин с присущей ему добросовестностью и аргументированностью писал: «Я прожил в Петербурге при большевиках около 9 месяцев, ездил за это время за женою и сыном в Саратов <...>, затем ездил два или три раза по делам в Москву, ездил однажды в гор. Ковров, Владимирской губернии. Всюду, где я был, я наблюдал процесс выдворения нормальной жизни насилием» (в рукописи). В 1919 г. он с женой и сыном эмигрировал. Вначале жил в Берлине, затем в Париже и окончательно осел в Лондоне, где умер в 1972 г.

В 1921 г. в Берлине он был избран Председателем правления Союза русских издателей и книготорговцев в Германии; там же «подал мысль мощному немецкому издательству Ульштейна организовать издание книг на русском языке, — так возникло в Берлине издательство "Слово", его первыми директорами были Б. И. Элькин, И. В. Гессен и зять Ульштейна — фон Фосс» (Андреев 1972: 273—4). Именно «Слово» осуществило издание серии «Архив русской революции». Много лет Элькин был секретарем Фонда помощи русским писателям, литераторам и ученым, финансируемого из США. В сферу его интересов входили русская литература XIX в., русское масонство, история русского общества, в частности, накануне революции. Этому были посвящены его доклады и статьи.

Оксфордская часть его архива состоит в основном из писем многочисленных друзей и знакомых. В переписке за 1945—46 гг. весьма заметное место занимают письма, касающиеся упомянутого визита группы русских эмигрантов в советское посольство. Вообще на примере обсуждения этого вопроса можно говорить об активнейшем эпистоляр-

ном общении русской эмиграции, о привычке обсуждать с друзьями все сколько-нибудь важные события и просто извещать их о своей жизни. Письма пишутся достаточно регулярно, причем одна из часто повторяющихся фраз — «наши письма скрестились», то есть реакция на события следует мгновенная, не дожидаясь сообщения корреспондента. Доверительно относясь к Б. И. Элькину, учитывая его дружбу с В. А. Маклаковым, его положение медиатора в сложном сосуществовании семейных кланов и политических группировок русской эмиграции, его корреспонденты весьма откровенны, а спектр их мнений демонстрирует достаточно серьезные различия в настроениях, оценках и отношении к визиту. Правда, ни один из корреспондентов не одобряет визит полностью.

Наиболее спокойно высказывается Е. Д. Кускова, всегда выступавшая за сохранение отношений с советской властью. Однако, не осуждая визит, она, тем не менее, не видит для Маклакова (а значит, и для себя самой — они ровесники) места на Родине: «Вероятно, вы знаете о делегации русской эмиграции во главе с В. А. Маклаковым к Богомолу и ultra любезный прием ее послом. Однако одно дело прием, другое — работа на родине... В 75 лет люди трудно приспособляются к тоталитарным режимам, какие бы высокие цели эти режимы ни ставили» (письмо от 8.IV.1945 г. // MS Russian 269.62. D. 10. — Л. 151).

Отвечая на косвенный вопрос своего собеседника, достаточно спокоен и Б. Н. Зайцев — через год он, как один из руководителей Союза писателей и журналистов, увидит четкую границу между «советскими патриотами» и эмигрантами. Пока же он склонен даже жалеть участников визита: «Вы пишете о сумбурности настроений парижских — если имеете в виду группу "М", то там большое разочарование. В общем из дела их, которое они предприняли с неплохими настроениями, ничего не вышло и они сами сейчас в миноре. Они люди порядочные и думали, что можно быть в "честной" оппозиции его величеству, признавая и приветствуя защиту России, проведенную ее народом (и в какой-то мере правителем, но в какой именно мере удачно — мы точно не знаем. Судя по американской прессе — удача более чем сомнительная)» (письмо от 21.X.1945 г. // MS Russian 269. 62. D. 11. — Л. 248).

Значительно более резко высказывается коллега Б. И. Элькина, юрист Алексей Александрович Гольденвейзер, живущий в это время в Америке. Называя посещение

посольства «злополучным» и возражая своему адресату, который, судя по контексту, писал о неизбежности визита Маклакова, Гольденвейзер говорит о «большой политической ошибке»: «Кстати, по вопросу о злополучном посещении и завтраке на рю Дарю. <... > Герцен в определенный момент русской истории написал статью "Ты победил, Галилеянин", — но он не побежал брататься с жандармами, не закрыл своего вольного печатного станка и не изменил своим убеждениям. Прискорбный инцидент с делегацией к Богомолу вызван, по-моему, неправильной оценкой роли и функции нашей эмиграции. Эта же ошибка в еще более резкой форме проявилась в статье Бердяева <... >, в которой он все вопросы сводит к балансированию словами "национальный и интернациональный". Мы уехали из России совсем не потому, что считали советскую власть не-национальной и не-патриотической. Уехали мы из-за установившегося внутри страны политического режима, который теперь именуется тоталитарным» (MS Russian 269. 62. D. 12. — Л. 191).

А. А. Гольденвейзер отстаивает свое право «продолжать быть эмигрантами, поскольку этот режим остался, поскольку легальная оппозиция ему в России невозможна» (там же). Эта точка зрения была широко распространена именно среди американской части русской эмиграции. Вообще же о ее настроениях мы больше всего узнаем благодаря взвешенным и четким характеристикам и описаниям Марка Алданова, знакомого с Б. И. Элькиным еще со времен учебы в киевской гимназии.

В архиве Элькина среди многолетней переписки хранятся четыре его письма, затрагивающих тему визита. Алданов реагирует на событие первым из всех корреспондентов Элькина и сразу же обозначает его как сенсацию. Как и другие «американские русские», о визите он узнает из статьи в «Новом русском слове» и в своем письме пересказывает ее, иронически смещая акценты: эмигранты, по его словам, «обменялись рукопожатиями с Богомолу, выслушали от него инструкции о том, что надо относиться сочувственно к "Русскому Патриоту", и затем приняли участие в "завтраке а ла фуршетт". Корреспонденция, разумеется, была написана в самом восторженном тоне. Волнение в русских группах здесь было, как Вы догадываетесь, большое» (MS Russian 269. 62. D. 12. — Л. 24).

Рассказывая о реакции на статью небольшого собрания «человек 25 политических людей», Алданов сообщает, что

только благодаря четверым из них, в том числе Коновалову, самому Алданову, позже присоединившемуся к ним Керенскому, решено было не принимать политических резолюций, а подождать более полной информации. «Коновалов послал Маклакову телеграмму с запросом и вчера <следует отметить временной зазор между запросом и ответом — собрание состоялось на следующий день после выхода статьи, то есть 8—9 марта, письмо же Алданова, сообщающее, что телеграмма с ответом пришла «вчера», датировано 24 марта. Такой перерыв может свидетельствовать о напряженной разработке группой визитеров объяснений своей позиции. — И. Б.» получил ответ» (MS Russian 269. 62. D. 12. — Л. 24).

Алданов прекрасно понимает, что «если бы собрание в 25 человек и приняло резкую резолюцию, то это мирового значения не имело бы. Конечно. Однако участникам «завтрака а ла фуршетт» было бы, вероятно, тяжело, если бы с ними порвали друзья всей их жизни» (MS Russian 269. 62. D. 12. — Л. 24). Позиция Алданова — это позиция человека, стоящего в основном над партиями и рассматривающего визит как «странный акт». Он пишет, что не собирается принимать участия ни в каких резолюциях, «считая, что каждый человек имеет право в любой день признать всю свою жизнь ошибкой и поднять белый флаг. Привлекательного в этом немного, но право совершенно бесспорно. Все это не имеет отношения к переменам в СС-СР, к победоносной войне и т.д. Я всегда был и остаюсь счастлив, что Россия побеждает, идет от победы к победе. <...> Не стою на твердокаменной позиции <...> — там, мол, все — зло, и никогда не стоял. Но в основных идеях были правы мы, а не они — куда бы жизнь не пошла. И завтракать а ла фуршетт с тостами в честь одного господина у меня нет ни малейшего желания. Пользы же от этого не видно (м. б. письмо В. А. разъяснит), едва ли господин объявит амнистию и даст конституцию оттого, что у него позавтракали 10 эмигрантов» (MS Russian 269. 62. D. 12. — Л. 24).

В этом же письме мы находим и отзвуки позиции В. В. Набокова: «В. Сирин написал Зензинову письмо об этой сенсации — в очень сильных выражениях, которые я не могу повторить (он крайний антибольшевик)» (там же).

В следующем письме, датированном 11 апреля, Алданов, в ответ на скрестившийся с его письмом вопрос об

отношении к визиту, еще более четко расставляет политические группы в зависимости от их отношения к произошедшему событию и снова повторяет свою позицию: неучастие в резолюциях и мнение о полной бесцельности визита.

30 мая он благодарит Элькина за письмо «с более подробным и более верным изображением визита», которое теперь «известно, кажется, всей политической эмиграции» (к сожалению, в архиве нет копии этого письма). Фраза Алданова «вторая речь Василия Алексеевича меня со многим в его визите мирит» относится к «нескольким словам пояснения», которые произносит В. А. Маклаков после речи советского посла. Б. И. Элькин скорее всего воспроизводит их по имевшейся у него записи беседы в советском посольстве. Среди прочего Маклаков сказал: «Вы предлагаете любить Россию в той ее форме, советской, в которой она сложилась сейчас. <...> Возьму Ваше сравнение. Дети должны любить свою мать и молодой, и старой, и здоровой, и больной. Но они любят мать, а не болезнь и не старость ея» (в машинописи). Однако, несмотря на это, констатирует М. Алданов, «отношение к визиту ни сколько в Н-Й не изменилось. Почти общее теперь мнение: даром унижались, гора родила мышь, и никого из эмигрантов или почти никого в Россию не пустят. <...> Теперь торжествуют те, кто смешивали с первого дня участников визита с грязью (на мой взгляд, несправедливо совершенно, — в большинстве ведь они очень порядочные люди)» (MS Russian 269. 62. D. 12. — Л. 29).

Только 15 июля Алданов сообщает о получении обещанного еще в мартовской телеграмме подробного письма Маклакова, которое его не убедило. Он продолжает считать визит большой ошибкой. «Я написал Титову, что если бы Сталин дал амнистию, то мы приветствовали бы это (а не его), и добавил: **не являясь с визитом в посольство.** Так же мы приветствовали и победы русской армии» (MS Russian 269. 62. D. 12. — Л. 31).

С течением времени появляются объяснения самих участников события, включающие шуточные ноты, как бы принижающие значение визита, изображающие его как нечто, не заслуживающее особого внимания эмиграции. Однако любые шутки о визите вызывают у Алданова резкую отповедь. Так, он сообщает Элькину о письме одного из членов «маклаковской группы», Абрама Самойловича Альперина, который «с довольно странной, чтобы не вы-



разиться сильнее, шутливостью сообщил нам (для «петит истуар»), что икра, рябиновка и портвейн были превосходны. Я очень этому рад, но боюсь, что хуже едят и пьют миллионы ни в чем не повинных людей, сидящих в ужасных лагерях по воле человека, за которого пили портвейн и рябиновку на рю Гренель» (MS Russian 269. 62. D. 12. — Л. 31 об.).

Зато сам он видит печальный комизм в заявлении очень уважаемого им человека, В. А. Маклакова: «Вас. Алексеевич пишет, что предложения вернуться не принял, т.к. капитан корабля покидает его последним. Как он, при своем редком уме, не почувствовал маленькой доли комического элемента в этих словах: при крушении капитан сходит в лодку с корабля последним, п.ч. оставаться на корабле очень опасно, а быть на лодке менее опасно. Здесь же дело обстоит как раз наоборот: оставаться в Париже совершенно безопасно, тогда как вернуться значит идти на авантюру (напомню хотя бы о Святополке-Мирском)» (там же).

Видимо, наиболее точен в описании реакции на визит французской части эмиграции оказался С. Мельгунов, который еще в июле 1945 г. писал Элькину: «Я решительный ее <позиции Маклакова — И. Б.> противник. <...> Утверждаю, что в Париже подавляющее большинство рядовых эмигрантов стоит на моей позиции и в Каноссу идти не собирается. Маклаковский «генералитет», на мой взгляд, оказался в безвоздушном пространстве» (письмо от 24.VII.1945 // MS Russian 269. 62. D. 11. — Л. 202).

Между тем сам В. А. Маклаков, видимо, предвидя разброс мнений по поводу визита своей группы в советское посольство, непосредственно после визита, 14 февраля 1945 года в письме своему коллеге по Совещанию Послов, бывшему послу Временного правительства в Англии, Е. В. Саблину, объяснял и обстоятельства, предшествовавшие посещению посольства, и детали визита, и даже его причины. Копия этого письма также сохранилась в архиве Б. И. Элькина и была любезно представлена мне его сыном, Александром Борисовичем. Из нее следует, что письмо В. А. Маклакова было уже почти написано, когда он получил телеграмму от обеспокоенного Саблина. Это еще одно подтверждение значимости события 12 февраля 1945 года. Рассказав историю отношений своей, как он выражается, еще не конституированной группы, «которая носит в просторечии незаслуженное название "Маклаков-

ской"», с «Союзом Патриотов», В. А. Маклаков сообщает о том, что визит 12 февраля, по сути дела, был для его группы неожиданным, поскольку Маклаков просил свидания с советским послом лично для себя, а не для группы, тогда как некий посредник сообщил, что «Посол на понедельник 12 назначил прием моей «группе», по моему выбору, но желал бы среди нас видеть адмиралов Кедрова и Вердеревского (они только что были приняты в группу)». Далее, рассказывая об обстановке в посольстве, где у стен сидели несколько сотрудников, Маклаков делает вывод о том, что откровенная беседа была невозможна. Он передает смысл своей речи и речи Богомолова, затем своего второго выступления, процитированного выше, и далее сообщает, что все приглашенные по просьбе посла высказались, «а я по глухоте моей ни одной речи не слышал. Я слышал только Богомолова, т. к. сел прямо против него за стол». Разночтение с уже известным ходом визита заключается в том, что, по Маклакову, тост за Сталина произнес сам посол, в то время как по общему мнению это было выступлением Кедрова.

Маклаков предвидит возможные «жетолкования и искажения», однако считает, что визит был явлением положительным: «Мы своих позиций не сдали, независимости не потеряли; но мы отмежевались и от «патриотов», и от Деникина». Значительно более реалистическим выглядит объяснение причин визита: «Во Франции сейчас эмиграция не может жить во вражде с советами». Тем не менее, принципиальное значение посещения советского посольства оказалось для большей части русского рассеяния более важным, нежели жест самозащиты и защиты французской части эмиграции. С течением времени это стало ясно и самим участникам визита.

Свидетельство тому можно усмотреть в заявлении Правления Объединения русской эмиграции для сближения с Советской Россией от 23 июля 1946 г., текст которого (в машинописи) приложил к своему письму один из участников похода в советское посольство, Титов, сторонник возвращения эмигрантов в СССР. В письме от 2 августа 1946 г. он вынужден констатировать, что «затея с советскими паспортами провалилась. В префектуре зарегистрировано пока ок. 500 человек. Богомолов заявил о 2 тысячах взявших паспорта». «Но даже если в провинции удастся набрать еще 4 тысячи, то и получится 10% общего числа эмигрантов» (MS Russian 269. 62. D. 12. — Л. 46 об.).

Поводом для заявления стал декрет Советского Правительства от 14 июня 1946 г. «О восстановлении в гражданстве СССР подданных б. Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции». Ставя в заявлении вопрос о том, должно ли Объединение «видеть в этом акте осуществление надежд и желаний политической эмиграции, т.е. перемену внутренней политики советской власти и наступление возможности общего примирения на почве признания прав человека» (С. 1), Правление искренне желает «осуществления чаяний» тех, кто уже принял советское гражданство, но в то же время признает и противоположную позицию (совпадая в этом с приведенными мнениями представителей американской части русской эмиграции, более того, скорее всего даже находясь под их воздействием) — людей, которые «считают своим нравственным и политическим долгом оставаться еще эмигрантами», поскольку «не видят подлинных перемен во внутренней политике советского правительства» (С. 2).

Выражая надежду, что эти люди не пойдут вместе с врагами России, как не пошли в 1941 г., Правление заканчивало свое заявление признанием того, что они действуют, «послушные голосу совести и полагая, что тем самым они честно исполняют свой долг перед русским народом» (С. 2).

Такая серьезная подвижка в позиции группы могла произойти только под воздействием авторитетных представителей эмиграции, оценивших визит как бесцельный, как «самогипноз» (Мельгунов), как начало раскола эмиграции.

#### ЛИТЕРАТУРА

- АНДРЕЕВ 1972: Андреев Н. Б. И. Элькин // Новый журнал. — 1972. — N 109.
- ЕФИМОВСКИЙ 1957: Ефимовский Е. Один из могилок. Памяти В. А. Маклакова // Возрождение. — 1957. — N 68.
- НАЗАРОВ 1992: Назаров М. Миссия русской эмиграции. — Ставрополь, 1992. — Т. 1.
- ШКАРЕНКОВ 1981: Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. — М., 1981.